



УДК 331.101.21+343.244.25

DOI <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2019.30.45>

От найма к обязательности и принуждению: труд как политико-экономический ресурс власти начала 1930-х гг.

С. А. Красильников

*Новосибирский государственный университет, Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск, Россия*

Аннотация. Рассматривается ситуация, сложившаяся в начале 1930-х гг., когда резко изменились приоритеты государственной политики в трудовой сфере. От «мягких» инструментов регулирования рынка труда и миграционных потоков власть перешла к установлению максимального контроля над использованием трудового потенциала страны. Практика организованного набора рабочей силы стала сочетаться с прямым использованием внеэкономических механизмов (принудительный труд спецконтингента). Данный симбиоз в сфере труда анализируется на примере угольной промышленности Кузбасса.

Ключевые слова: государственная политика, сфера труда, оргнабор, трудовые мобилизации, принудительный труд.

Для цитирования: Красильников С. А. От найма к обязательности и принуждению: труд как политико-экономический ресурс власти начала 1930-х гг. // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2019. Т. 30. С. 45–52. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2019.30.45>

Большинство историков и экономистов солидарны в том, что мобилизационный тип экономики, выросший из эпохи Гражданской войны, в 1920-е гг. сохранял, хотя и в ослабленном виде, свои институциональные характеристики. Форсированная государственная экспансия в сфере труда становилась неизбежной с началом первой пятилетки, потребовавшей трудоспособное население страны [6, с. 19–25].

В данной публикации предлагается оценка сдвигов, происшедших в области трудовых отношений в Западно-Сибирском регионе в начале 1930-х гг., в контексте трансформации государственной политики, изменения ее приоритетов и применения различных средств как экономического, так и внеэкономического характера для достижения поставленных институтами власти целей. Государственная политика в деле максимального и рационального использования трудового потенциала населения, не достигнув требуемых результатов на рынке найма рабочей силы, перешла к задачам обеспечения тотальной занятости с применением форм обязательности труда (мобилизации) вплоть до прямого принуждения к нему. Предметом конкретного рассмотрения выступает ситуация в угольной промышленности Кузбасса, где сочетание (симбиоз) различных типов используемого государством труда проявлялось в открытом виде.

С выходом из Гражданской войны, в условиях отмены трудовой повинности и мобилизаций, продолжали использоваться прежние механизмы обеспечения трудовых процессов. Так, в 1922 г. ставка на организованный набор (вербовку) квалифицированной и неквалифицированной рабочей силы для угольных бассейнов Сибири (Черембасс, Хакасия, Кузбасс) не дала необходимых результатов, поскольку практика перехода от повинностно-мобилизационных мер к вольному найму при обеспечении договоров о вербовке требовала большей гибкости и ответственности государственных органов. В сложившейся ситуации Сибревком прибегнул к достаточно простым мерам. В ходе проходившей весной 1922 г. кампании по демобилизации трудармейцев (лиц, служивших в трудовых армиях) было решено задержать до осени часть тех, кто еще работал на коях Сибири, – «впредь до формирования Управлением каменноугольной промышленности Сибири достаточных кадров рабочих»¹ (постановление Сибревкома от 12 мая 1922 г.). Наряду с этим в качестве временной меры применяется использование труда заключенных. В частности, Енисейский губотдел труда 10 июля 1922 г. сообщал в Сибтруд, что, помимо на вербованных рабочих, «уполномоченным Черемховских копей взято рабочих из Красноярских мест заключения 200 чел.»².

Тогда же органы ГПУ предпринимают первые практические шаги по предоставлению на основе договора Управлению Кузбасса рабочей силы из числа заключенных, подведомственных полпредству ГПУ по Сибири. По договору репрессивный орган обязывался предоставить до 300 чел. для работы на шахтах на срок не менее полугода, начиная с 15 января 1923 г. Труд заключенных должен был оплачиваться на тех же условиях, что и труд вольнонаемных рабочих. При этом предусматривалось отчисление трети ежемесячного заработка указанных работников в пользу полпредства ГПУ³.

Постепенная нормализация рынка труда в последующие годы сняла необходимость применения чрезвычайных форм обеспечения экономики рабочей силой, в Сибирском регионе сложилось гибкое регулирование предложения и спроса на нее. Однако уже в 1928/29 хоз. году предложение труда составило 124 тыс. чел., тогда как спрос превысил 209 тыс. чел. [4, с. 425]. В этих условиях использование добровольного, наемного труда, осложненное нехваткой ресурсов (материально-бытовых, финансовых и др.), трансформировалось при форсированном росте и разнообразии каналов и форм применения в использование труда несвободного. Сказанное отчетливо прослеживается на примере симбиоза вольнонаемного и принудительного труда в начале 1930-х гг. на шахтах Кузбасса (объединение «Востуголь», территориальным подразделением которого выступал «Кузбассуголь»), где громадное повышение производственных планов потребовало столь же значительного обеспечения рабочей силой, в составе которой «спецрабсила», или спецконтингент (по терминологии репрессивных струк-

¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 461. Л. 46.

² Там же. Л. 65.

³ Там же. Л. 99–100.

тур), становилась весомой величиной. Исходя из нужд производства (шахты, шахтное хозяйство и инфраструктура), здесь использовался труд тылоополченцев, заключенных, спецпереселенцев, «принудчиков».

Так, осенью 1931 г. в распоряжении объединения на территории Кузбасса находились переданные на договорных условиях ссыльные крестьяне-спецпереселенцы с семьями численностью почти в 40 тыс. чел. (около 8 тыс. семей), распределенные примерно поровну между комендатурами лесозаготовительного профиля и непосредственно шахтным производством (Анжерка, Прокопьевск). Доля трудоспособного населения в 45 спецпоселках, как правило, составляла до 40 % численности в них. Следовательно, хозяйственный орган мог рассчитывать на использование труда примерно 15 тыс. спецпереселенцев⁴. На весну 1931 г. в том же объединении использовался труд 3,5 тыс. тылоополченцев⁵. Тыловое ополчение – специфическое военизированное формирование, действовавшее с 1930 по 1937 г., реорганизованное затем в военно-строительные части. В начальный период своего существования (1930–1933) тыловое ополчение не входило в состав военного ведомства, а его части использовались различными наркоматами и ведомствами для выполнения задач экономического характера, где требовался тяжелый физический труд. Источником формирования тылового ополчения выступали призываемые на трехлетний срок для несения воинской службы лица, лишенные избирательных прав, пораженные в правах по суду, ссыльные. Тыловое ополчение являлось особой разновидностью принудительного труда в его специфической милитаризированной форме, а сами тылоополченцы оказывались фактически армейскими маргиналами [2, с. 176–188].

С лета 1930 г. Сибирское управление лагерей особого назначения (СибУЛОН, позднее СибЛАГ), согласно договору с трестом «Сибуголь», выделило для работы на предприятиях угольной промышленности первые партии заключенных (2 тыс. чел.), численность которых с 1931 г. только возрастала. Труд заключенных эксплуатировался в тот период на переданных СибЛАГу пяти шахтах трех рудоуправлений Кузбасса (Араличевского, Осинниковского, Киселевского). На момент передачи указанных шахт в 1933 г. тресту «Кузбассуголь» число работавших заключенных достигало 6 тыс. (пятая часть заключенных СибЛАГа) [1, с. 27]. В совокупности угольная промышленность Кузбасса в 1931–1933 гг. располагала спецконтингентом численностью примерно в 25 тыс. чел.

О том, насколько весомым оказался ресурс принудительно используемой рабочей силы в данной отрасли на территории Кузбасса, можно судить, исходя из наличия источников ее пополнения, режима использования и закрепления на производстве. С позиций деления источников на добровольные и недобровольные обращает на себя внимание тот факт, что форсированный их рост осуществлялся почти одновременно. В первой группировке, помимо уже работавших в угольной промышленности рабочих, с 1930 г., экстенсивно наращиваясь, шла вербовка различных групп работников (ор-

⁴ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 156. Л. 84–85.

⁵ Там же. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 125. Л. 105–106.

ганизованный набор), сохранялся и канал неорганизованного притока («самотек» на бюрократическом языке того времени). Во второй группировке оказывались тылоополченцы, спецпереселенцы, заключенные. Все указанные группы работников объединялись местом сферы трудовой деятельности, но внутри нее имели существенные, а часто и значительные различия в статусе, трудовой мотивации, поведении на производстве. В частности, внутри «вольного» контингента уже присутствовали, помимо групп, образованных по принципу добровольности, группы, составленные на принципах обязательности, дисциплинарности (партийные, комсомольские, профсоюзные мобилизации для членов этих организаций). Договоры имели срочный характер, хотя и создавались с целью формирования на этой основе в дальнейшем категории «постоянных кадров работников», то есть закрепления их на производстве. Тем не менее желаемое оказывалось на практике трудно-выполнимым. В начале 1930-х гг. все основные сферы производства, особенно связанные с фазой их строительства, испытывали большую текучесть рабочей силы – от 50 до 100 % и даже выше (соотношение прибывших на производство и выбывших оттуда за определенный период времени).

Так, по объединению «Востуголь» за 11 месяцев (с 1 октября 1929 г. по 1 сентября 1930 г.) было принято на работу 52 тыс. горнорабочих и 100 тыс. рабочих для работы на поверхности (в том числе на лесозаготовке). За тот же период убыль составила 57 тыс. и 104 тыс. чел. соответственно. При этом становилось очевидным, что хозяйственному органу в 1931 г. требовалось наращивать оргнабор рабочей силы не только исходя из действительных потребностей, но и с учетом фактора неизбежного в течение года оттока кадров. На начало января 1931 г. «Востуголь» подавал в Крайтруд заявку на 23,4 тыс. чел. На 1 апреля 1931 г. запрос был скорректирован, цифра выросла почти на 10 тыс. чел., однако выполнить заявку традиционным путем было достаточно проблематично, учитывая конкуренцию с другими мощными структурами («Кузнецкстроем» в особенности). Выход был найден в привлечении групп спецконтингента, технологически требовавших для этого меньших усилий, нежели оргнабор [3, с. 34–35].

Преимущества эксплуатации спецконтингента в сравнении с вольным наймом были как будто очевидны, главным среди них выступал особый режим содержания и применения труда тылоополченцев, спецпереселенцев и заключенных. Проблема текучести контингента здесь приобретала иную форму достаточно жестко контролируемой его убыли, которая складывалась из цифр смертности, перемещений, освобождения (особый источник – побеги), но при этом и планируемых источников возмещения численности названных групп. Кроме того, ссылка спецпереселенцев оказывалась фактически бессрочной, что делала данную категорию работников потенциально наиболее выгодной для власти с позиций ее трансформации в источник «постоянных рабочих кадров». И хотя доля трудоспособной части оказывалась не столь высокой для спецпереселенцев (40 %) и заключенных, которые делились на несколько категорий в зависимости от способности к физическому труду, зато применительно к тылоополченцам она приближалась к мак-

симальной. Кроме того, в отношении групп спецконтингента всегда существовала возможность повышения продолжительности труда, штрафов и применения других форм принуждения, чего не было в вольнонаемных секторах труда.

Вложения в жилищно-бытовую инфраструктуру для спецконтингентов также подвергались минимизации в сравнении с требованиями их обеспечения для вольнонаемных работников. Несмотря на договорные отношения между репрессивными и хозяйственными органами, при которых условия труда, его оплата, снабжение и жилищно-бытовые условия должны были быть приравнены к таким же показателям, что и для работников по вольному найму, хозорганы, безусловно, стремились получаемые для спецконтингентов в централизованном порядке ресурсы использовать «не по прямому назначению», что периодически приводило к возникновению уголовных дел в отношении хозяйственных руководителей предприятий, где эксплуатировался труд спецпереселенцев, особенно в лесозаготовительной сфере [5, с. 330–332]. С позиций центрального и регионального руководства спецконтингент в своей совокупности обладал характеристиками, ведущими к его возраставшей востребованности как универсального трудового ресурса, мобильно перемещаемого по директивным решениям в любой регион и отрасль экономики, не требовавшего значительных затрат на жилищно-бытовую инфраструктуру, управляемого на особых режимных условиях.

Дискутируемый в отечественной историко-экономической литературе вопрос о критериях оценки результатов эксплуатации различных групп спецконтингента между собой и в сравнении с вольнонаемными работниками в рассматриваемых конкретных условиях функционирования угольной промышленности Кузбасса в начале 1930-х гг. не имеет однозначного решения, однако ряд оценочных суждений, высказанных историками, заслуживает внимания. Так, ведущий специалист в области истории тылового ополчения Д. Д. Миненков справедливо полагает, что сравнивать следует сравнимое, для чего анализирует результаты производственной деятельности тылоополченцев на шахтах рудоуправлений Кузбасса, где в 1931–1933 гг. использовался труд всех трех указанных выше групп спецконтингента, включая и лиц, работавших по найму. В частности, в конце 1932 г. в Прокопьевском рудоуправлении под землей и на поверхности было занято 2,8 тыс. спецпереселенцев, 820 тылоополченцев и 1,4 тыс. заключенных. Внутри этих групп, как доказывает историк, содержание тылоополченцев оказывалось менее затратным, поскольку здесь не требовались, как для заключенных, особые условия и ресурсы (охрана, содержание значительного штата). Доля работавших и их физическое состояние (молодежь 21–25 лет) также давала преимущества этой группе спецконтингента, в том числе и перед спецпереселенцами, имевшими семьи и значительную часть иждивенцев в их составе. Вербовка и обустройство вольнонаемного рабочего обходились в полтора раза дороже, нежели доставка и размещение тылоополченца. Стоимость дневной выработки последнего превышала стоимость его дневного содержания. Примечательно, что тылоополченцы, даже сталкиваясь с дис-

криминационными ограничениями со стороны хозорганов, которые демонстрировали свое «особое» отношение к спецконтингенту (наиболее тяжелые и малооплачиваемые работы, переброски на различные объекты, задержки в выдаче заработной платы, недостатки в снабжении питанием и производственной одеждой и др.), обеспечивали выполнение производственных заданий [3, с. 164, 172].

Сложнее дать оценку расходам, которые углепромышленное ведомство тратило на размещение, обустройство и последующую эксплуатацию труда спецпереселенцев. Очевидно, что расходовались средства в ощутимо больших размерах, нежели в аналогичных случаях для тылоополченцев и заключенных. И дело не только в численности ссыльных крестьян с семьями, но и в структуре демографического и трудового потенциала данной группы, имевшей в своем составе значительную долю нетрудоспособного населения (детей до 12–14 лет и людей старших возрастов), достигавшую до половины и более от учетного их числа. Данное обстоятельство оказывало двоякое воздействие на трудовые усилия работоспособной части спецпереселенцев: руководство комендатур отчитывалось о том, что полностью использовался мужской труд, труд женщин наполовину, труд подростков до 16 лет – на треть.

Высокая степень эксплуатации труда спецпереселенцев на различных работах в угледобывающих производствах диктовалась не только экономическими нуждами, но и элементарной логикой выживания ссыльных крестьянских семей в экстремальных условиях. В 1932 г. спецпереселенец, занятый на горных работах, мог при выполнении нормы получить чуть более 100 руб. в месяц, ниже были заработки на строительстве, а на лесозаготовках – до 50–60 руб. При месячном прожиточном минимуме в 20–25 руб. один взрослый мужчина едва ли мог обеспечить существование семьи из 4–5 чел. (средний состав ссыльной семьи), если не было возможности привлечь к работе еще второго члена семьи. И хотя для иждивенцев выделялся продовольственный паек, его получение предусматривало выкуп. В документации (отчетность комендантов) отмечалось как распространенный факт, что многосемейные спецпереселенцы в 1931–1932 гг. оказывались не в состоянии выкупить пайки, становясь заложниками созданной комендатурно-производственной системы. Поэтому даже приведенные в отчетах комендатур и хозорганов данные о том, что результативность труда и заработки спецпереселенцев не уступали результативности и заработкам вольнонаемных работников, имели под собой не феномен «трудового перевоспитания бывших кулаков», а природу элементарного человеческого выживания, альтернативы которому власть спецпереселенцам попросту не оставляла [5, с. 191, 198–204].

Приведенные выше эмпирические данные характеризуют на таком регионально-отраслевом сегменте промышленности, как угледобыча, вхождение сферы отечественного труда с 1930 г. в экстремальное состояние. Целевая директивная установка обеспечить резкое увеличение объема производства потребовала применения в новых условиях прежних и не особенно модифицированных практик мобилизации трудового потенциала населения

страны, реализовавшихся десятилетием ранее, в период окончания Гражданской войны. Относительно «мягкое» государственное регулирование рынка труда, отличавшегося преобладанием форм труда по найму, наличием бирж труда, в короткие сроки в 1930 г. превращается в «жесткое», директивное и распределительное в отношении трудовых ресурсов. Удовлетворение потребности в рабочей силе обеспечивалось уже не только экономическими, но и внеэкономическими мерами. Государство трансформирует рынок труда из экономического по своей природе в политико-административный. На территориях наиболее экстенсивного роста («ударные объекты первой пятилетки») дефицит работников по найму форсированно компенсировался и возмещался трудом спецконтингента, как в случае с угледобычей в Кузбассе. Несмотря на казавшееся радикальным статусное различие между этими двумя занятыми в экономике социально-учетными группами (свобода/несвобода), разграничения в условиях труда и быта, нормирования и оплаты труда оказывались не столь значительными: труд по найму становился обязательным, с усилением дисциплинарности, что сближало его с трудом режимным, принудительным. В том и другом случае труд и его разновидности монополизировались государством.

Список литературы

1. Бикметов Р. С. Использование спецконтингента в создании и наращивании экономического потенциала Кузбасса в конце 1920-х – второй половине 1950-х гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2011. 54 с.
2. Красильников С. А. Тылоополченцы // ЭКО. 1994. № 3. С. 176–188.
3. Миненков Д. Д. Система тылового ополчения в СССР. (1930–1937 гг.). Новосибирск : НВИ им. генерала армии И. С. Яковлева войск нац. гвардии России, 2017. 236 с.
4. Сибирский край. Статистический справочник. Новосибирск, 1930. 804 с.
5. Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 – начало 1933 г. Новосибирск : ЭКОР, 1993. 341 с.
6. Черемисинов Г. А. Формирование мобилизационной модели и макроэкономическая динамика СССР в годы первой пятилетки и Великой Отечественной войны // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2015. № 4. С. 19–35.

From Recruitment to Compulsion and Coercion: Labor as a Political and Economic Resource of the Government Power in the Beginning of the 1930s

S. A. Krasilnikov

Novosibirsk State University, Institute of History SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract. The priorities of the Soviet state policy in the labor sphere sharply changed in early of 1930s. From «soft» instruments for regulating the labor market and migration flows, the government transferred to establishing maximum control over the usage of the country's labor potential. The practice of organized recruitment began to be combined with the direct use of non-economic mechanisms (forced labor of the special contingent). This symbiosis in the labor sphere is analyzed on the example of the coal industry of Kuzbass.

Keywords: state policy, labor sphere, organizational recruitment, labor mobilization, forced labor.

For citation: Krasilnikov S.A. From Recruitment to Compulsion and Coercion: Labor as a Political and Economic Resource of the Government Power in the Beginning of the 1930s. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2019, vol. 30, pp. 45-52. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2019.30.45> (in Russian)

References

1. Bikmetov R.S. *Ispolzovaniye spetskontingenta v sozdaniy i narashchivaniy ekonomicheskogo potentsiala Kuzbassa v kontse 1920-kh – vtoroy poloviny 1950-kh gg.* [Use of the special contingent in creating and building up the economic potential of Kuzbass in the late 1920s – the second half of the 1950s.]. Abstract of diss. sci. Barnaul, 2011, 54 p. (in Russian)
2. Cheremisinov G. A. Formirovaniye mobilizatsionnoy modeli i makroekonomicheskaya dinamika SSSR v gody pervoy pyatiletki i Velikoy Otechestvennoy voyny [Formation of the mobilization model and macroeconomic dynamics of the USSR during the years of the First Five-Year Plan and the Great Patriotic War]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Series 4, Istoriya. Regionovedeniye. Mezhdunarodnyye otnosheniya* [Bulletin of Volgograd. state un-that. Series 4: History. Regional studies. International relationships], 2015, no. 4, pp. 19-35. (in Russian)
3. Krasilnikov S.A. Tylovyye opolchentsy [Militia members]. *ECO*, 1994, no. 3, pp. 176-188 (in Russian)
4. Minenkov D.D. *Sistema tylovogo opolcheniya v SSSR. (1930-1937 gg.* [Rear Militia System in the USSR. (1930-1937)]. Novosibirsk, 2017, 236 p. (in Russian)
5. *Sibirskiy kray. Statisticheskiy spravochnik* [Siberian region. Statistical Handbook]. Novosibirsk, 1930, 804 p. (in Russian)
6. *Spetspereselentsy v Zapadnoy Sibiri. Vesna 1931 – nachalo 1933 gg.* [Special settlers in Western Siberia. Spring 1931 – early 1933]. Novosibirsk, 1993, 341 p. (in Russian)

Красильников Сергей Александрович
доктор исторических наук, профессор,
кафедра отечественной истории
Новосибирский государственный
университет
Россия, 630090, г. Новосибирск,
ул. Пирогова, 1
ведущий научный сотрудник
Институт истории СО РАН
Россия, 630090, г. Новосибирск,
ул. Николаева, 8
тел.: 8 (383) 330-13-49
e-mail : krass49@gmail.com

Krasilnikov Sergey Aleksandrovich
Doctor of Sciences (History), Professor,
Department of Russian History
Novosibirsk State University
1, Pirogov st., Novosibirsk, 630090,
Russian Federation
Leading Researcher
Institute of History of SB RAS;
8, Nikolaev st., Novosibirsk, 630090,
Russian Federation
tel.: 8 (383) 330-13-49
e-mail : krass49@gmail.com